

*Н. А. Беседина (Белгород, Россия)
Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
NBesedina@hsu.edu.ru*

МОРФОЛОГИЯ КАК «ТЕХНИКА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СЕМАНТИКИ И СИНТАКСИСА»: КОГНИТИВНАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

В статье с когнитивной точки зрения предлагается интерпретация ранее сформулированной в лингвистике идеи о том, что морфология выступает в качестве техники взаимодействия семантики и синтаксиса. Представленный анализ основывается на применении положений теории морфологической репрезентации в языке, разработанной в когнитивной лингвистике.

Ключевые слова: морфология, синтаксис, семантика, когнитивная морфология, морфологическая репрезентация.

Мысль о неустойчивости и неопределенности границ между морфологией и синтаксисом неоднократно высказывалась лингвистами и получала различное толкование в работах представителей различных исследовательских подходов в лингвистике (см., в частности, работы А. В. Бондарко, В. В. Виноградова, С. Д. Кацнельсона, Н. А. Кобриной, Б. А. Серебrenникова, М. И. Стеблин-Каменского, И. Б. Хлебниковой и др.). Данная особенность организации и функционирования языковой системы анализировалась в терминах отстоявшихся синтаксических форм, синтаксической морфологии, морфологического синтаксиса, синтагматической морфологии, службы морфологии синтаксису (см. подробнее [Беседина 2006]). Идея о том, что морфология служит синтаксису оказалась наиболее востребованной в исследовательской практике. Именно это способствовало более детальной ее разработке в рамках ряда теорий: морфологических категорий [Бондарко 1976], функциональной грамматики [Слюсарева 1985], человеческого фактора в языке [Серебrenников 1988], семиологической грамматики [Степанов 2002], функциональной категоризации [Болдырев 1995].

Основные положения упомянутых выше концепций, раскрывающие суть того, как морфология служит синтаксису, можно систематизировать следующим образом. Господствующее положение синтаксиса по отношению к морфологии, как признается многими лингвистами, заложено формально в самой языковой системе (предложение – единица более высокого уровня по отношению к слову – единице более низкого уровня). Однако такая системная особенность не означает абсолютного подчинения, что принципиально

учитывать при разработке данного аспекта межуровневого взаимодействия, чтобы не перейти в плоскость упрощения представлений о реальных отношениях в языке. В связи с этим авторы Русской грамматики-80 вносят важное уточнение: «морфологические формы, их значения <...> взаимодействуют с синтаксическими конструкциями <...> как сфера, располагающая арсеналом собственных средств, со сферой, без этого арсенала практически не существующей» [Русская 1980...: 5]. Разделяет такую позицию и Б. А. Серебrenников. Он особо акцентирует тот факт, что «морфологическая форма является носителем отвлеченных значений и в возможностях своего функционирования оказывается ограниченной этими значениями и сама диктует синтаксису тот или иной выбор морфологических средств» [Серебrenников 1988].

Не менее важным представляется утверждение А. В. Бондарко, согласно которому, «морфология служит синтаксису лишь постольку, поскольку ее единицы, формы и категории включаются в структуру предложения, являются существенными для нее, но не вообще, не глобально, не абсолютно» [Бондарко 1976: 19]. В предложенном уточнении, А. В. Бондарко особо акцентирует мысль о том, что «морфологические категории всегда имеют отношение к синтаксису, так как каждая морфологическая категория обладает определенной синтаксической направленностью, синтаксической перспективой» [там же].

Взаимодействие морфологии и синтаксиса наиболее глубоко и всестороннее разрабатывается в теории семиологической грамматики. Автор данной концепции академик Ю. С. Степанов эксплицитно сформулировал ключевое положение о том, что именно «морфология выступает как «техника взаимодействия семантики и синтаксиса», что приводит к обусловленности морфологических категорий взаимоотношениями семантики и синтаксиса» [Степанов 2002] (ср. также [Касевич 1988]). В дальнейшем разработка теории функциональной категоризации позволила Н. Н. Болдыреву уточнить и развить ранее выдвинутую идею и определить, что морфология – это «техника языковой системы, фиксирующая типичные связи между семантикой и синтаксисом» [Болдырев 1995]. Интерпретация взаимодействия морфологии и синтаксиса, предложенная в теориях семиологической грамматики и функциональной категоризации, создает предпосылки для рассмотрения этого важного аспекта организации языковой системы с когнитивной точки зрения, а именно с точки зрения того, какие ментальные процессы и механизмы ложатся в основу техники взаимодействия двух основных уровней: морфологии и синтаксиса, и каким образом происходит фиксация этих типичных связей.

Напомним, что идея о когнитивности морфологии высказывалась ранее в рамках теории функциональной грамматики Н. А. Слюсаревой. Согласно точке зрения ученого, «морфология только на первый взгляд выступает в виде техники для синтаксиса» [Слюсарева 1985: 58]. Когнитивность же морфоло-

гии, по ее мнению – это «опосредованная через синтаксис ориентация на сферу мышления» [там же]. В полемику по данному поводу с Н. А. Слюсаревой вступает Е. С. Кубрякова. При этом она, скорее, уточняет высказанную Н. А. Слюсаревой идею, особо акцентируя тот факт, что «даже если бы морфология выступала исключительно «в виде техники для синтаксиса», она не перестала бы быть «когнитивной», т. е. связанной с познавательными процессами и служащей отражению и передаче их результатов» [Кубрякова 2000: 25]. Именно участие морфологических явлений в процессах мышления, в ментальной и интеллектуальной деятельности человека и определяет, по мнению Е. С. Кубряковой, их когнитивную функцию.

Одна из попыток осмысления идеи «техники для синтаксиса» в контексте основных познавательных процессов: концептуализации и категоризации была предпринята в диссертационном исследовании Н. А. Бесединой (см. [Беседина 2006]). В нем, исходя из основных теоретических установок отечественной когнитивной лингвистики, была разработана теория морфологической репрезентации в языке, в рамках которой были сформулированы некоторые положения, направленные на поиск объяснений техники взаимодействия семантики и синтаксиса через анализ тех когнитивных структур, которые лежат в основе морфологических категорий. Исследование указанных когнитивных процессов и когнитивных структур позволяет сделать выводы относительно роли единиц морфологического уровня в репрезентации концептуального содержания в языке.

В рамках анализируемой теории морфологическая репрезентация рассматривается как один из типов представления в языке концептуального содержания. Особенность данного типа заключается в том, что он предполагает категориальный способ структурирования концептуального содержания. В качестве языкового механизма, обеспечивающего такое структурирование, выступают морфологические категории и формы, которые позволяют объективировать языковое знание (см. [Беседина 2007]). Применительно к морфологической репрезентации языковое знание включает в себя «знание собственно языковых форм, их значений и категорий, отражающих специфику представления знаний о мире в языке» [Болдырев 2018: 86]. Основной единицей анализа в таком случае становится морфологическая категория. Она, с когнитивной точки зрения, может быть определена как «единство концептуального содержания и форм его репрезентации в конкретном языке» [Беседина 2006: 10].

Когнитивную основу объединения различных форм в рамках той или иной морфологической категории в языке создает морфологически передаваемый концепт, содержание которого реализуется в процессе коммуникации в виде конкретных грамматических смыслов (грамматического времени, залога, наклонения, аспекта, числа и др.), точнее собственно морфологических смыслов. Данные смыслы формируются в результате активизации (через

морфологические формы) характеристик морфологически передаваемого концепта, составляющих его содержание, и носят максимально обобщенный характер (ср., так же подход в [Петрухина 2005]). Такая особенность содержания морфологически передаваемого концепта с необходимостью предполагает его дальнейшую конкретизацию в процессе коммуникации. Конкретизация осуществляется на уровне предложения-высказывания. Участие в этом процессе принимают ряд факторов лингвистического характера. К таковым могут быть отнесены семантический, синтаксический и контекстуальный. Именно интегративность формирования смысла в процессе коммуникации указывает на морфологию как на его необходимый компонент, что в свою очередь объясняет невозможность изолированного существования в языке морфологии. Интегративность смыслообразования обеспечивает органичное включение морфологического уровня в общую ткань языка, что в свою очередь, позволяет определять типологические черты того или иного языка.

Функция техники языковой системы, фиксирующей наиболее типичные связи семантики и синтаксиса, находит свое проявление в существовании трех разных уровней концептуализации в морфологии и соотносимых с ними категориальных областей (подробнее см. [Беседина 2006]). Детально обоснованию сформулированных общих положений будет посвящено сообщение на конгрессе.

В целом следует отметить, что разработка рассматриваемой в работе идеи представителями разных научных направлений позволила выявить основные аспекты межуровневого взаимодействия в языке, определяемые более глобальной задачей – формирования и передачи множества смыслов в процессе коммуникации.

Литература

Беседина Н. А. Морфологически передаваемые концепты: дис. ... доктора филол. наук. Тамбов, 2006.

Беседина Н. А. Языковое знание и морфология как способ его репрезентации // Типы знаний и их репрезентация в языке: Сб. науч. тр. / отв. ред. Н. Н. Болдырев. Тамбов, 2007. С. 28–37.

Болдырев Н. Н. Функциональная категоризация английского глагола: дис. ... доктора филол. наук. СПб., 1995.

Болдырев Н. Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. М.: Издательский дом ЯСК, 2018.

Бондарко А. В. Теория морфологических категорий. Л., 1976.

Касевич В. Б. Семантика. Синтаксис. Морфология. М.: Наука, 1988.

Кубрякова Е. С. Когнитивные аспекты морфологии // Язык: Теория, история, типология. М.: Эдиториал УРСС, 2000. С. 22–27.

Минский М. Фреймы для представления знаний. М.: Энергия, 1979.

Петрухина Е. В. Когнитивные модели времени в русской грамматике // Концептуальное пространство языка: Сб. науч. тр. Посвящается юбилею проф. Н. Н. Болдырева. Тамбов: Изд-во ТГУ, 2005. С. 111–128.

Русская грамматика / под ред. Н. Ю. Шведовой и др. М.: Наука, 1980.

Серебрянников Б. А. Роль человеческого фактора в языке: Язык и мышление. М.: Наука, 1988.

Слюсарева Н. А. Функциональная грамматика и когнитивность морфологии // Проблемы функциональной грамматики. М.: Наука, 1985. С. 56–65.

Степанов Ю. С. Имена. Предикаты. Предложения (семиологическая грамматика). 2-е изд., стереотипное. М.: Эдиториал УРСС, 2002.

N. A. Besedina (Belgorod, Russia)

Belgorod State University

MORPHOLOGY AS MECHANISM FOR SEMANTICS AND SYNTAX INTERFACE: COGNITIVE PERSPECTIVE

The paper attempts to interpret the idea formulated in traditional linguistics – that morphology is a mechanism for semantics and syntax interface – from a cognitive perspective. The arguments are based on the theory of morphological representation in the language developed by the author.

Key words: morphology, syntax, semantics, cognitive morphology, morphological representation.

T. M. Voronina (Ekaterinburg, Russia)

Уральский федеральный университет

tmv313@yandex.ru

ОЦЕНКА СОБЫТИЯ ОТНОСИТЕЛЬНО ВРЕМЕНИ: ОСОБЕННОСТИ КАТЕГОРИЗАЦИИ (на материале идеографических словарей русского языка)¹

Статья посвящена анализу семантики лексических единиц, репрезентирующих оценку факта, события, явления и т. п. относительно времени. Рассмотрены основания категоризации такой оценки: скорость, длительность, повторяемость, совпадение/несовпадение с моментом времени или другим событием. Материал исследования –

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22 18 00352, <https://rscf.ru/project/22-18-00352/>.